

Н. П. Шмелев¹

РОССИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность»,
тогда внезапно постигнет их пагуба...

*Первое послание к Фессалоникийцам
святого апостола Павла, 5: 3*

О духовности, духовном богатстве русского человека, наверное, все уже сказано. О его всемирной отзывчивости, о его метаниях от крайности к крайности — тоже. Думается, что сейчас, после наших трагедий и потрясений, настало, наконец, время рассуждать не в рамках «Бог—общество—человек», а искать ответ на вполне конкретный вопрос: «Как?» Что делать — мы уже, похоже, все знаем. А вот «как?» — нет, не знаем.

Печальный эпиграф выбран мною не случайно. Думается, он в сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил (и живет) вот уже более пяти поколений подряд, с начала XX века и по сегодняшний день. Вряд ли какой еще народ в истории пережил всего за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовом, тотальном голоде. Только полномасштабных войн было восемь: японская, Первая мировая, Гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, кавказская, конца которой не видно и сегодня. И революции: 1905 года, Февральская 1917 года, Октябрьская 1917 года, невероятная по своим губительным последствиям коллективизация 1929—1933 годов и столь же губительный «революционный» террор 1937—1938 годов, наконец нынешняя «демократическая» революция. По своей «социальной цене» она тоже вполне сопоставима с теми, что были до нее. Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных возможных сценариев развития России в ближайшие 50 лет — пессимистического и оптимистического — первым в голову приходит именно пессимистический, пронизанный ожиданием грядущей катастрофы и «конца истории» России. К такому выводу подталкивают многие признаки, причем из самых разных и зачастую даже не связанных между собой (на поверхностный взгляд) сторон нашего бытия.

Прежде всего нельзя не признать определенной обоснованности утверждений тех, кто говорит се-

годня, что российский народ просто «выдохся», надорвался; что ему уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесли ему за XX век все эти войны и безжалостные эксперименты разномастных революционеров; что в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев и другие, он уже прошел пик своей «пассионарности» и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше ему взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из того, что было накоплено веками, истрачено в годы большевистского террора и кровавой мясорубки Второй мировой войны. XX век сломал России хребет: доказательством этого стал самопроизвольный (как говорится, «на ровном месте») распад в 1991 году великой сверхдержавы на множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально все еще огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является ее сохранившийся пока от прежних времен ракетно-ядерный потенциал. Но и он — надолго ли?

Наиболее серьезным международным фактором в перспективе представляется вызревающий уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы — США и Китая. При сохранении нынешней динамики — причем и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах — вполне вероятно, что к середине XXI века США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнообразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а судя по всему, так оно и будет) и если ему удастся установить некие похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом — Индией, то можно будет, наверное, говорить (пользуясь критериями этой самой «пассионарности») уже не только о «закате Европы», но о начинающемся закате всей евроатлантической цивилизации.

Другой важнейший и, вероятно, долговременный фактор современной международной ситуации — всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего его органическим порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая, третья, мировая война началась — война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как эта война закончится.

¹ Академик Российской академии наук, директор Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье—Черноморье—Каспий», «Международные отношения», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов: «Сильвестр», «В пути я занемог»; сборников рассказов и повестей: «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Комиссии по правам человека при Президенте РФ. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

Одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и дорогостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом, во-первых, на ее границах с Центральной Азией и Кавказом и, во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким. Все это, естественно, потребует серьезнейшего напряжения как политических, так и экономических сил страны и, несомненно, как минимум, сильно затруднит ее выход из нынешнего системного кризиса.

Разумеется, список внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия в целом не к усилению, а скорее к ослаблению России, далеко не исчерпывается перечисленными. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие острейшие проблемы XXI века, как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинство населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евроатлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и пр.

Но, как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном ее облике) связан не столько даже с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна изнутри, больна наследственно, и примененная к ней после 1991 года «революционная терапия» лишь усугубила те болезненные процессы, которые начали складываться в ее недрах еще в советские времена.

И первым в длинном списке болезней современной России следует, по-видимому, назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных ее территорий, заметные сдвиги в этнической структуре, отток населения из восточных районов на запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием прежде всего искусственных, политико-административных причин иммиграцию в ее пределы и одновременно возросшую эмиграцию, причем наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своем составе по меньшей мере Восточную Сибирь и Дальний Восток, а возможно, и пояс прикавказских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI века — по Лене, Енисею, а может быть, и по Оби или даже по Уралу, — предсказать сегодня не возьмется, конечно, никто.

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (то есть статистически — за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть в последние пятнадцать-двадцать лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса, старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен: традиционное тяжелое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и т. д. По всем этим направлениям сложившиеся ныне условия в стране никак не способствуют особому оптимизму (если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо).

Прежде всего никогда, наверное, ни одна страна в истории не попадала в такую нелепую, абсурдную с точки зрения обыкновенного здравого смысла ситуацию, когда деньги (инвестиционные и прочие средства) ей на деле оказались не нужны. И это при той колоссальной неудовлетворенной и неудовлетворяемой потребности в деньгах для решения самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач, которые стоят сегодня перед страной! В последние полтора десятка лет, по разным оценкам, от 300 млрд до 1 трлн долларов частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. В последние годы государство само вывело за рубеж порядка 500 млрд долл., которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накоплений Стабилизационного фонда и которые оно «влило» на самых льготных условиях в экономику Запада, а не в собственное народное хозяйство. В это же время политику России стал почти официально определять абсолютно невероятный для нормальных людей лозунг «Чем меньше денег в стране, тем лучше». И если смотреть на вещи трезво, то теперь уже вряд ли когда эти эмигрировавшие деньги в массовом порядке вернутся обратно: в основной части экономика Запада уже успела впитать их и переварить.

Но и деньги нашего бизнеса тоже не могут пока быть гарантией решения проблемы накопления. В первую очередь они и сейчас стремятся уйти за рубеж, а того, что остается внутри страны, явно недостаточно для решения ее основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, ну и отчасти телекоммуникации — вот, собственно, и все, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остается еще один потенциально значительный источник средств — иностранные инвестиции. Но для них особого интереса Россия как производи-

тель высокотехнологичной продукции (то есть потенциальный мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, Евросоюз, стремительно набирающий силу Китай). И еще, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции — от колготок до автомобилей и самолетов. Думается, что России в этом контексте еще предстоит серьезнейшие испытания с непредсказуемым пока исходом, особенно в связи с ее вступлением в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на ее внутренних товарных и финансовых рынках.

В сфере частного капиталообразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (прежде всего из менее перспективных в более перспективные высокотехнологичные, инновационные отрасли) России, видимо, еще очень долго придется расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет сегодня такого автоматического рыночного механизма, и никто не решится сказать, когда он у нас будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую, организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одночасье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в multimillionеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры вроде выпуска пресловутых государственных краткосрочных облигаций с доходностью до 200–300 % годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнется», если ему не светит прибыль меньше 100 % годовых (притом что весь мир работает за 5–15 % и считает это нормой). А такой, поистине «заоблачный», уровень прибыльности ныне возможен у нас только в энергосырьевых отраслях, спиртовом производстве, кое-где в торговле, в криминальном обороте, но никак не в высокотехнологичных, инновационных отраслях (особенно на первых порах).

И, конечно, не внушает сегодня оптимизма и такой важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны, как нынешнее состояние российских «мозгов». Все последние двадцать лет близорукая политика высшего руководства если не на словах, то на деле исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которых они достигли в советские времена, есть излишество для страны, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в 10 раз и на образование в 5 раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3 % ВВП (во всех высокоразвитых странах сегодня — 2–4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране, уровень зарплаты ученых, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры принудительно вытолкнули (и продолжают вытал-

кивать) наиболее талантливую, активную часть нашей интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлете энтузиазма и творческой энергии трудящегося российского человека нельзя, по-видимому, и мечтать, пока не будут решены основные социальные задачи страны, а именно: во-первых, ликвидирован глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остается характерной для жизни вот уже, по крайней мере, четырех поколений россиян, и той, что получают за такой же труд работники в высокоразвитых странах: он, этот разрыв, достигает сегодня величины 6–10 и более раз; во-вторых, уменьшена до социально безопасного уровня разница в доходах между верхними и нижними по доходам 10 % населения, составляющая у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально даже 60:1) при 5–6:1 во всех странах, принадлежащих к евроатлантической цивилизации; в-третьих, будет, наконец, построено подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее рыночные и вне рыночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей, прежде всего в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере.

Одним словом, с реальной угрозой прекращения «самостоятельной истории» России или ее превращения в историю уже другого государства, безусловно, европейского и, безусловно, регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Федора Иоанновича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI века — гораздо более оптимистический.

Прежде всего, исходя из прошлого России, весьма сомнительными кажутся все эти утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась она неизменно отнюдь не ослабевшей, а, напротив, еще более могущественной.

Революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во Второй мировой войне в совокупности — если говорить о крови и разрушении генофонда страны — стоили России много больше, чем затянувшийся современный системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном еще по тем, старым, счетам. Некоторые современные генетики имеют, видимо, основания утверждать, что потери в генофонде страны за период 1917–1953 годов будут естественным порядком восстановлены лишь пример-

но через 5 поколений. Но это как раз и будет середина XXI века! И это значит, что лицо и динамику России к этому времени будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целостности после всех трагических событий и передряг XX века.

Распространено также мнение: для того чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в ее народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причем эта идея должна быть обязательно духоподъемной, равной по силе и замаху, скажем, идее духовного христианского спасения, или великодержавной (вплоть до панславизма и даже еще дальше), или идеей избавления всего человечества (не меньше) от всяческого всемирного зла и несправедливости. Все это долгая российская история знает отнюдь не понаслышке. Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма и весьма длительную перспективу.

Не следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ, — ей просто неоткуда взяться. В перспективе по меньшей мере двух ближайших поколений (а вероятно, и много дальше) спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее умонастроение, общая цель всего российского общества — сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека. Как моральной основы этого, представляется, вполне достаточно не только для выхода страны из ее нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина. Примеры известны — Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было.

Отнюдь не обязательно неблагоприятным для России может быть и будущее развитие международной обстановки. Так, можно, видимо, вполне обоснованно ожидать, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы — США и Евросоюзом — будут все более приближаться к отношениям прочного стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимоничтожения ни Соединенные Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут и в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США на будущее представляется возможный тесный союз России с их основ-

ным стратегическим соперником — Китаем. Но такое развитие событий тоже, по-видимому, отнюдь не обязательно должно стать реальностью. В то же время в борьбе против новой мировой опасности — международного терроризма — США и Россия объективно уже стали союзниками, и в дальнейшем России, судя по всему, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, происходящей в первую очередь из Центральной Азии и, возможно, Кавказа. В отношении же весьма сомнительной нынешней линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций» перспективы сегодня далеко еще не ясны. Взять на свое содержание (причем на неопределенное время) энное число внутренне слабых новообразованных государств США вряд ли когда решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива ее взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он станет расширяться и дальше. Уж во всяком случае, с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально: присоединение Турции, Балкан, Украины, да еще и России — это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа». Все имеющиеся сегодня разногласия между сторонами могут и, вероятно, будут со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Конечно, Россия не только европейская, но и евроазиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно ее восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить отношения с лидером восточноазиатского сообщества — Китаем.

История много чему учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов таких соседей, как Россия и Казахстан; во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции; в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части своего населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ, остающимися традиционной сферой российского влияния даже после выхода Грузии из Содружества

и столкновения с ней. Конечно, прежний Советский Союз никогда, вероятно, уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в грядущие полстолетия своего рода свободной конфедерации независимых постсоветских государств, костяк которой составят Россия, Белоруссия и Казахстан и присоединиться к которой, не исключено, может и ряд других постсоветских стран, — это вполне, по-видимому, реальная перспектива, тем более после пережитого кризиса в отношениях с Украиной. Слишком многое и слишком долго связывало эти страны во всех областях жизни их народов, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства. Сами по себе эти новообразованные государства по большому счету не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах международной конкуренции вряд ли жизнеспособен.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутривнутриполитическое устройство России. Страна всерьез приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества, и теперь, похоже, ничто, кроме угрозы вторжения извне, не может свернуть ее с этого пути. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичных, скажем, правам американских штатов, или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов — на предстоящие полстолетия не это представляется главным. Основная задача по крайней мере для двух ближайших поколений — создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно — действенной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI века (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX — начале XX века (земство). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной и в финансовом смысле самостоятельной системы местного самоуправления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъем творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то, по крайней мере, на обуздание развешающих ее изнутри коррупции и преступности. А с мелкими локальными конфликтами, возникающими по самым разным причинам то тут, то там, ей, по-видимому, придется уживаться еще долго. Показательны в этом отношении примеры многодесятилетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России. Даже самая бо-

лезненная в смысле перспектив проблема страны — демографическая — при соответствующей целенаправленной политике может быть, по-видимому, так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества. Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвленной системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, ликвидации национального позора страны — бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов. Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток. В-третьих, нужно устранить все административные и, что, может быть, даже еще важнее, массово-психологические препятствия перед иммиграцией на территорию России не только русских и русскоязычных, но и всех других граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, в частности, что именно такая иммиграция станет одним из главных способов заселения пустеющей российской деревни и малых городов. В-четвертых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить еще Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию иммигрантов из других европейских стран.

Вера в лучшее будущее России позволяет надеяться и на то, что в не столь уж отдаленной перспективе в ней сложится экономическая система, в которой исчезнет, наконец, во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой предпринимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей уже непреложным фактом приватизации: новый передел собственности (неважно, в пользу ли государства или же других частных лиц) обойдется, что называется, себе дороже, резко нарушив только-только возникающее в стране состояние стабильности.

Государство, особенно в наших конкретных условиях, должно сосредоточиться на нескольких важнейших экономических функциях, которые еще длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов, электроэнергетики, водохранилищ, мелиоративных сооружений, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т. д. Во-вторых, еще долго (если не всегда) будет существовать необходи-

мость в казенных заводах, прежде всего оборонного назначения. В-третьих, государственные средства, помимо прямой инвестиционной функции, должны стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким государство является во всех благополучных странах. В-четвертых, без государственной помощи — в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета — малый и средний бизнес, давно уже ставший во всем мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда у нас не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создается, по различным оценкам, свыше 40 % ВВП страны.

Столь же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство, или нарождающиеся фермерские кооперативы, или агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этого сектора нигде в мире не обходятся — ни в развитых, ни в развивающихся странах. И наконец, в-пятых, нигде, даже в самых «рыночных» экономиках, наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без решающего участия государства в их содержании и финансировании. И вряд ли российский бизнес, даже при благоприятнейших условиях, когда-либо сможет взять эту функцию целиком на себя.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности Российского государства наибольшее значение приобретают:

- создание самых твердых гарантий неприкосновенности частной индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и вовсе незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборота;

- восстановление (путем намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе;

- отказ от абсурдной по своей сути политики бюджетного профицита или чрезмерного ограничения его дефицита, противоречащей всей веками устоявшейся мировой практике и резко ограничивающей бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким предлогом;

- проведение самой жесткой антимонопольной политики, поскольку в сложившихся у нас условиях не только и даже не столько денежный фактор, сколько безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной все еще не затухающей инфляции.

Определенный оптимизм внушает также и то, что российский дикий рынок 1990-х годов понемногу, похоже, нормализуется. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу,

и уже видится приход на смену им новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остается все меньше и меньше сфер бизнеса, где сохраняется возможность работать не с нормальной, а с заоблачно высокой прибылью, нормальной становится привычная миру психология «клиент всегда прав», все шире распространяется практика решения хозяйственных споров в обычном судебном порядке, сама собой постепенно исчезает, казалось бы, неистребимая многомиллионная армия «челноков», все больше появляется признаков, что социальная ответственность не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже вышел из стадии «первоначального накопления». Как говорил когда-то Л. Н. Толстой, в конце концов «все образуется»: российский бизнес только-только начал выходить из стадии бурного, но все-таки детства, и те 5–6 % населения, которые во всем мире составляют слой предприимчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии XX века. От государства этим людям нужно одно: не мешать им, а помогать, и не менять слишком часто «правила игры».

Два поколения — достаточный срок и для того, чтобы избавиться от еще одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой платы за человеческий труд. Доля зарплаты в ВВП страны сегодня составляет 30–32 %, во всех экономически передовых странах — 50–70 %. Нечего и говорить, как это неблагоприятно сказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и его морали. Вынужденное безделье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи — это все в первую очередь порождение бедности, а не его, человека, греховной природы.

Таким образом, при благожелательном и по возможности непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозом развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, еще более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то — в лучшее будущее — так оно было и так будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех — и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнеров тоже — стратегический, долгосрочный план развития страны, который, среди прочего, включал бы и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось куда-нибудь кривая сама вывезет» — этот известный принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно вдруг потерявшей прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо нее ничего, что отвечало бы уверенному продолжению ее от века «самостоятельной истории».

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки заглянуть куда-то в середину нынешнего века не вредно было бы, думается, вспомнить мысль, высказанную как-то нашим крупнейшим математиком и футурологом академиком Н. Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): нет смысла загадывать и прогнозировать дальше, чем на 15–20 лет вперед, ибо за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что перевернет все с ног на голову. Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за 5 лет такое всемирно-историческое событие, как внезапный самораспад Советского Союза?

Или трагедию 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, как отреагирует мировое сообщество, если в предстоящие полвека на Землю вдруг все же опустится долгожданный корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же места России, будь то в дихотомии Востока–Запада или Севера–Юга, можно с достаточной уверенностью сказать, пожалуй, лишь одно: через 15–20 лет Россия не станет ассоциироваться и не сможет идентифицировать себя ни с одним из этих миров. Но, скорее всего, она наконец расплатится по всем своим и старым, и новым историческим и человеческим счетам. А что дальше будет — то знает, вероятно, лишь один Верховный Судия.